

О.Ф. Русакова*

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ШКОЛА «АННАЛОВ» И
«НОВАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»**

Конец XX столетия отмечен бурными методологическими дискуссиями среди историков, представляющих различные национальные школы и исследовательские направления. Для характеристики современной методологической ситуации в исторической науке важно определить, какие из существующих поисковых направлений имеют перспективный характер и способны сформулировать образ историографии нового столетия.

При рассмотрении, с одной стороны, наиболее авторитетных научных школ в современной исторической науке, а с другой стороны — наиболее спорных, дискуссионных и даже эпатажных мы пришли к выводу, что, по крайней мере, две исследовательские стратегии получают дальнейшее развитие в начале XXI в. Одна будет связана с исследовательской деятельностью той части научной общественности, которая в качестве методологического ориентира берет на вооружение программные установки, пожалуй, самой авторитетной среди историков разных стран школы «Анналов». Другая же, на наш взгляд, станет углубленно работать в режиме постмодернистской парадигмы и окажется логическим продолжением тех новаций, которые в настоящий момент осуществляются представителями так называемой «новой интеллектуальной истории».

Вот почему мы решили дать краткий анализ методологических стратегий именно этих двух исследовательских направлений в исторической науке. Знакомство с ними, смеем надеяться, будет интересно не только философам, интересующимся историей, но и историкам, желающим найти свой собственный методологический

---

* *Русакова Ольга Фредовна* — заведующая отделом философии ИФиП УрО РАН, доктор политических наук, профессор.

ориентир в научных поисках. Кроме того, те методологические поиски, о которых пойдет речь, характерны не только для исторической науки, но также для всего гуманитарного знания в целом.

1. Школа «Анналов»: методологическая эволюция

Движение «Анналов» возникло как реакция на жесткую институционализацию общественных наук, разделившую знания об общественных процессах и структурах на экономику, политологию, социологию, антропологию, историю и т.д. «Анналисты» выступили против так называемой «комодной» системы писания истории: вот факты политические, вот — экономические, вот — литература и искусство, вот — промышленность и торговля. В верхнем ящике — политика: «внутренняя» — справа, «внешняя» — слева. Следующий ящик: в правом углу — «народные движения», в левом — «организация общества». «Власть» руководит и повелевает всем комодом¹.

Основные усилия деятелей «Анналов» сосредоточивались на борьбе с разделением целостного знания на две взаимоисключающие эпистемологии: идеографическую и номотетическую. Поиски междисциплинарного синтеза, стягивающего различные предметные области исторического исследования в один универсально-объяснительный узел, стали главной, магистральной линией развития взглядов представителей этой крупнейшей исторической школы XX в.

На протяжении всей истории своего существования методологические идеи школы «Анналов» претерпевали определенные изменения. Изменялось и название журнала. С 1929 по 1938 г. он назывался «Анналы экономической и социальной истории» («Annales de l'histoire économique et sociale»). Его первый номер увидел свет в Страсбурге в 1929 г. Основателями и редакторами были Люсьен Февр (1878–1956) и Макс Блок (1886–1944).

С 1939 по 1941 г. журнал был переименован в «Анналы социальной истории» («Annales de l'histoire sociale»). В годы немецкой ок-

---

¹ См.: *Февр Л.* Бой за историю. М., 1991. С.64.

купации под редакцией Февра публикуются неперIODические «Сборники по социальной истории». С 1946 г. журнал стал выходить под новым названием: «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации» («Annales. Economies. Societes. Civilisations»). Наконец, в 1994 г. появился новый подзаголовок: «История. Социальные науки». Эти изменения в названии журнала отражали поиски его руководителями наиболее адекватного выражения методологической программы, которую они провозглашали и стремились осуществить.

Историю «Анналов» принято делить на несколько периодов в соответствии с изменениями в руководстве журнала и сменами основных парадигм — принципиальных подходов, комплексов методов, определяющих программные установки «анналистов» на определенном этапе.

Период первых «Анналов» (1929–1956), по мнению Фернана Броделя, который принял на себя руководство журналом после кончины Л. Февра, связан с утверждением парадигмы «глобальной истории» или «тотальной истории», задачей которой является воспроизведение социальности в ее целостности и единстве. Коль скоро социальные явления могли быть поняты как комплексные, включающие и экономический, и психологический, и политический и т.д. факторы, то ни один из подходов не должен был исключаться или получать приоритет перед остальными. Чем многообразнее ракурс, тем глубже и содержательнее анализ.

Новые научные подходы, предложенные основателями «Анналов», предполагали освобождение истории от поклонения так называемым «трем идолам»: событийная история, биографическая история «героев», история как беспрОблемное повествование.

К концу 20-х гг. данные жанры, казалось, исчерпали свои познавательные возможности. (Возврат «Анналов» к изучению событий и биографий произойдет в 70-е гг. уже на новой методологической основе).

В указанный период на страницах журнала происходит проработка оригинального плана обновления гуманитарного знания, который был положен в основу нового издания «Французской энциклопедии».

дии» (1932). Центральными задачами стали: преодоление барьеров между разными дисциплинами при изучении «тотальной истории», приоритет проблемных исторических исследований перед эмпиризмом и фактописанием («Мыслить проблемами!» — девиз «Анналов»), перемещение предметных областей исторического исследования с истории государственной жизни на историю повседневной жизни людей, историю массового сознания, историю человека во времени и в конкретных формах его бытия, введение категории «*mentalites*» или «ментальность» в качестве методологического инструментария, позволяющего осуществить междисциплинарный исторический синтез.

Ментальный подход уже в полной мере был применен в работе Блока «Короли-чудотворцы» (1924), где прослеживается возникновение и история веры населения Франции и Англии в чудодейственную силу своих монархов. Король обладал в глазах своих подданных чудесным даром, с помощью которого мог простым прикосновением исцелить больных. В данном исследовании анализируется широкий комплекс ментальных проблем: вера в сакральную природу королевской власти, убеждения в силе магии, коллективные представления, которые вплоть до начала XIX в. определяли отношения людей к своим монархам.

Программа изучения ментальных структур определенных исторических эпох надолго становится фирменным знаком школы «Анналов». Особенно большую роль в ее осуществлении сыграл Л. Февр. Февр стремился придать термину «ментальность» более конкретный характер. Для этого он ввел в употребление понятие «*outillage mental*», которое можно перевести как «психическая оснастка» или «умственная вооруженность». «Каждой цивилизации присущ собственный психологический аппарат... Он отвечает потребностям ранней эпохи и не предназначен ни для вечности, ни для человеческого рода вообще, ни даже для эволюции отдельной цивилизации», — отмечал Февр¹.

---

¹ *Febvre L. L'outillage mental // Encyclopedie francaise. P., 1937. T.1.*

Пафос всего творчества Февра — возвращение историческому знанию утраченного им гуманистического содержания. Духовно-психологический мир человека — вот что особенно волновало Февра как ученого. Этому миру посвящено большинство его работ. Среди них: «Судьба: Мартин Лютер» (Une declin: Martin Luther. P., 1928); «Ориген и Деперье, или Загадка Кимвала мира» (Origene et des Periers ou l'enigme du Symbalum Mundi. P., 1942); «Вокруг Гептамерона, любовь священная и любовь мирская» (Autour de l'Heptameron, amour sacre, amour profane. P., 1944).

Наиболее известным и фундаментальным произведением Февра является «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле». (Le probleme de l'incroyance au XVI siecle: La religion de Rabelais. P., 1942). Самое интересное в этой книге, отмечает А. Гуревич, подход автора к изучению духовной жизни прошлого. «Именно в этом смысле книга Февра оказалась более всего плодотворной и новаторской. Она яркий документ истории исторической науки. Преподанные Февром уроки остаются поучительными и в наши дни»¹.

В своей книге о Рабле Февр приходит к важному выводу: историк, чтобы понять духовный мир человека, должен обнаружить те интеллектуальные процедуры, способы мировосприятия, архетипы сознания, которые были присущи людям более ранней эпохи и в которых они не отдавали себе ясного отчета, применяя их «автоматически», не задумываясь об их природе и содержании. Изучая «автоматизмы» сознания, можно пробиться к глубинным пластам, «подслушать» то, о чем люди «проговаривались» независимо от своей воли².

В рамках первого периода методологической эволюции «Анналов» можно выделить «*переходный этап*», в течение которого осуществляется постепенная парадигмальная перестройка в исследовательских ориентациях. Данный этап начинается

---

¹ Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Указ. соч. С.507.

² Там же. С.509.

со времени освобождения Франции от гитлеровской оккупации и завершается уходом Февра с поста главного редактора журнала (1945–1956).

На этом этапе продолжается применение в исследовательской практике прежних парадигм, открытых на предыдущем этапе, но уже начинают проявляться новые черты, присущие так называемым «вторым «Анналам», когда происходит увлечение экономической историей, структурными и количественными методами исследования.

В этот период активизируется самостоятельная научная деятельность учеников Блока и Февра — Робера Мандру, Жоржа Дюби и Фернана Броделя. В 1949 г. публикуется докторская диссертация Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир во время Филиппа II», которая имела большой успех. Работа Броделя стимулировала интерес историков к изучению экономических структур общества, экономической конъюнктуры. Термин «конъюнктура» (*conjuncture*) стал центральной категорией, характеризующей экономическую активность и систему факторов, определяющих экономическую структуру и эволюцию. «При всем том, — отмечает Жак Ревель в своей работе «История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов», — приоритет экономики никогда не выливался в «экономизм». Формула «экономическая и социальная история» оставалась незабываемым ориентиром французской историографии на протяжении всего этого периода»¹. Социальное рассматривалось как выражение определенных показателей экономической конъюнктуры. Социальное поведение объяснялось типом дохода и местом в процессе производства и обмена.

Во время переходного этапа эволюции школы «Анналов» наметились две основные тенденции, которые условно можно назвать сциентистским и ментальным направлениями. Сциентистская тенденция, связанная с именами Блока, Броделя, Лабруса, Шоню и др., ориенти-

---

¹ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции: На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С.94–95.

ровала исторический поиск в сторону изучения процессуально-структурных изменений большой длительности, когда возникает необходимость привлечения огромных корпусов источников, обработка которых возможна только с помощью количественных методов точных наук. При этом духовная жизнь общества рассматривается как функция экономической и социальной истории. Жизненный мир человека выражается через процессуально-структурные параметры — циклы, конъюнктуры, тенденции, диффузии, влияния.

Другое — ментальное направление, начало которому положили Блок и Февр (Блок является зачинателем обоих направлений), а продолжателями стали Р. Мандру, Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф, А. Дюпрон и др., в центр интересов историка ставит человека как творца и участника культуры, носителя цивилизационных черт. Весь умственный контекст эпохи — язык, обычаи, религиозность, искусство, магия, мораль и т.д. — рассматривается как смысловое содержание исторической активности людей.

Вторые «Анналы» (1956–1969) — это, по существу, броделевский период, отмеченный доминантой сциентистской ориентации. Согласно И. Валлерстайну, акценты тогда были расставлены в точном соответствии с концепцией Ф. Броделя: история скорее не социальная, а экономическая; история, уделяющая основное внимание так называемому раннему Новому времени; история, опирающаяся на анализ изменяющихся социальных отношений; историография, которая «не исключала использования марксизма»¹.

Теоретико-методологическим манифестом данного периода стала статья Броделя «История и общественные науки», опубликованная в «Анналах» в 1958 г. В этой статье Бродель выступает против предшествующих схем классификации наук, в частности против их деления на основе отнесения к методу

---

¹ Валлерстейн И. Что после «Анналов»? (Судьбы и перспективы историографического направления) // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С.96.

идиографическому и методу номотетическому. Он начинает с детального разбора ограниченности идиографического метода изучения событийной истории, а затем приступает к критике сторонников концепции «очень длительной временной протяженности», или номотетического подхода к истории, к которым причислялись структуралисты во главе с Леви-Строссом¹.

Эпистемологическое противоречие между концентрацией на событийной индивидуальности сторонников идиографического метода и изучением больших пространств и времени большой длительности представителями номотетического подхода Бродель предлагал разрешать посредством проведения параллельных исследований обоих видов: и медленно меняющихся структур большой длительности, и периодической смены конъюнктуры в пределах этих структур. Фактически это означало призыв к историкам исследовать знания, гипотезы, обобщения, предлагаемые представителями разных отечественных наук для организации своих исследований и интерпретации полученных данных.

Другим практическим выводом, вытекающим из предложенной Броделем методологии, был вывод о необходимости изучения истории одновременно в двух аспектах — с точки зрения как экономического и социального развития, так и жизни человека в ее повседневности. Иначе говоря, приветствовалась открытость историков в отношении всех общественных наук и типов истории — социально-экономической, географической, психологической, ментальной и т.д.

«Анналы», таким образом, ратовали за междисциплинарный подход. Однако на практике преобладающими во французской историографии стали исследования структуралистского характера.

«Соблазн структурализма» усилил методологические поиски в области научного инструментария исторических исследований. Увлечение историков структурализмом позволило расширить диалог социальных наук, способствовало конверген-

---

¹ См.: Braudel F. L'histoire et les sciences sociales // *Ecrits sur l'histoire*. P., 1969. P.73.

ции истории с антропологией, этнологией, лингвистикой, информатикой, психоанализом, семиотикой, этикой, культурологией. Под влиянием работ Леви-Стросса «анналисты» обратились к изучению структур сознания, характерных для «народных культур» прошлых эпох.

Структурализм, таким образом, способствовал интенсификации научных исследований в области истории ментальностей, увеличению числа изучаемых ею объектов.

Объектами специального изучения становятся чувство страха (Ж. Делюмо), вера в чистилище (Ж. Ле Гофф), любовь (Ж.-Л. Фландрен), брак (А. Бюргьер), насилие и честь (Н. И. Кастан), детство и семейная жизнь (Ф. Арьес), испытание смертью (Ф. Арьес, М. Вовель, П. Шоню). Для истории ментальностей не существует никаких ограничений источниковой базы. Для нее все является источником — от классических текстов до завещаний, рассказывающих о человеке перед лицом смерти, от благочестивых изображений до актов гражданского состояния.

60-е гг. во французской историографии были отмечены также стремительным развитием количественных («серийных») исследований в области истории культур, вооружающих историка подающейся повторению методологией. Первыми образцами такого рода методологии стали работы Ф. Фюре, Л. Перу, М. Вовеля.

Количественная история повлекла за собой перемену в самой концепции исторического труда. Вместо традиционной критики источников новая методология делала упор на формализацию источников и критериев их проверки. Иначе говоря, историки сформулировали обобщающие нормы экспериментального источниковедческого анализа. Как отмечал один из родоначальников количественного метода Франсуа Фюре (Фюре хотя и не входил в состав редакционного комитета «Анналов», но долгие годы был близок к плеяде историков, возглавлявших «Анналы»), «сегодняшний историк обязан преодолеть свою методологическую наивность, задуматься над тем, как именно выстроить то, что ему известно... Как

все социальные науки, пусть, возможно, и с некоторым запозданием, история сегодня движется от имплицитного к эксплицитному»¹.

Следующий этап в истории «Анналов» — «*третьи Анналы*» (1969–1989) — своими основными методологическими установками обязан прежде всего деятельности триумvirата, которому Бродель в 1969 г. передал редакторство журнала, — Жаку Ле Гоффу, Эмманюэлю Ле Руа Ладюри и Марку Ферро. Новые программные установки «третьих Анналов» публично были провозглашены в двух коллективных работах: «Теория историков» (1973) и «Техника истории» (1974).

Среди новых направлений, оказавших значительное воздействие на формирование парадигмальных основ «третьих Анналов», необходимо прежде всего назвать историческую антропологию. Историческая антропология сложилась в первую очередь под влиянием трудов К. Леви-Стросса и Н. Элиаса. Одни историки заимствовали ее аналитический инструментарий, в особенности структуралистский анализ мифов. Данным путем пошли Ле Гофф, Ж. Вернан, П. Видаль-Наке, М. Агюлон. Другие заимствовали ее концептуально-тематический костяк: изучение семьи и родственных связей, языка тела и жестов, материальной культуры в ее разнообразных предметных формах.

«Новая историография» повернулась лицом к социокультурной тематике. Этот поворот стал хорошо заметен к середине 70-х гг. Резко увеличивается число публикаций, посвященных изучению фантазий, снов, празднеств и социальных представлений. Особенно важное значение приобрели история отношений между ученой и народной (фольклорной) культурой, история культурной практики (например, чтения книг и письма), история символов и символических обрядов.

Историческая антропология, опираясь на методологию структурного анализа, органично вобрала в себя парадигму истории ментальностей. Изучение ментальностей связывается с иссле-

---

¹ Цит. по: Ревель Ж. Указ. соч. С.98.

дованием социальных структур общества. Центральным предметом исследования становятся различные картины мира, характерные для сознания и ценностных ориентаций той или иной социальной группы конкретной исторической эпохи. В этом плане весьма показателен сборник «Средневековый человек», изданный в 1987 г. Ж. Ле Гоффом, в котором 10 важнейших медиевистов Италии, Франции, Польши, СССР представили социокультурные портреты наиболее характерных человеческих типов эпохи средневековья: монаха, рыцаря, крестьянина, горожанина, интеллектуала, художника, купца, святого, «маргинала»¹.

«Антропологизация» предметов исторического исследования привела к новому взгляду «анналистов» на ранее игнорируемую политическую и событийную историю.

Возврат «Анналов» в 70-е гг. к историко-политической проблематике (проблемы символики власти и политического авторитета рассматривались еще М. Блоком в «Феодальном обществе» и в «Королях-чудотворцах») получил свое выражение в политической антропологии, в частности в работах группы французских историков, занявшихся изучением структур политической жизни в Древней Греции (Ж.-П. Вернан, П. Видаль-Наке и др.).

Возвращение к политической истории означало формирование нового подхода к рассмотрению событий. То или иное политическое событие, та или иная человеческая судьба служат своего рода призмой, в которой преломляются, с одной стороны, глубинные процессы, порождаемые структурами большой длительности, а с другой — сиюминутные, кратковременные тенденции, складывающиеся под влиянием исторической конъюнктуры. В итоге политическая история оборачивается историей политической культуры, а биографический анализ — историей социальных типов. Событие выступает как эпифеномен социальной структуры. Теорети-

---

¹ См.: *L' homo medievale* // A cura di J. Le Goff. Roma; Bari, 1987.

ческое обоснование указанного подхода было дано в 70-е гг. в работах Ж. Ле Гоффа и Ж. Дюби¹.

70-е гг. ознаменовались для «Анналов» еще одним необычным для них методологическим поворотом — поворотом в сторону нарративной истории (исторического повествования). Ярким символом такой перемены стал «этнографический роман» былого апологета клиометрии Э. Ле Руа Ладюри под названием «Монтайю», опубликованный в 1975 г. Роман, несмотря на большой объем (600 страниц убористого текста) и не очень захватывающий сюжет (исследовались менталитет и повседневная жизнь французских крестьян одной из пиренейских общин в средние века), имел большой успех у публики и стал бестселлером.

Феномен «Монтайю» продемонстрировал не только востребованность историописаний подобного рода, но также и научную эффективность нарратива, сочетающего традиционный метод повествования с добротным документированным исследованием. В работе Э. Ле Руа Ладюри тщательно прорисовываются мельчайшие подробности поведения героев «романа», дается литературная расшифровка материалов дознания инквизицией населения в Монтайю в течение десятилетий, повествующих о нарушениях веры в поведении еретиков.

Публикация «Монтайю» знаменовала собой не только восстановление в правах нарратива, но и смещение фокуса исторического исследования от макроистории, анализирующей крупные «неподвижные» структуры, к микроистории, т.е. истории малых сообществ и «маленьких» людей, повседневная жизнь которых выступает своеобразной исторической «монадой», в которой отражается специфика целой эпохи.

К концу 80-х гг. как внутри самих «Анналов», так и среди их оппонентов усиливаются критические настроения в отношении уже сложившихся в рамках школы методологических ориентаций. В

---

¹ См.: *Le Goff. J. Is Politics still the Backbone of History? // Daedalus. 1971. P.1–19; DUBY G. Le Dimanch de Bouvine. P., 1973.*

1988 г., когда споры вокруг и внутри «Анналов» достигли критической точки, редколлегия журнала выступила со статьей под названием «История и социальные науки: переломный этап?»¹. В статье говорилось о кризисе «Анналов» как отражении общего кризиса социальных наук. По мнению авторов статьи, корни кризиса следует искать в утрате доверия исследователей к некоторым методологическим подходам. Среди таких подходов упоминаются марксизм, структурализм и клиометрия, которые, как отмечалось в редакционной статье, перестали выполнять свою структурирующую и интегрирующую роль.

Редакционная статья содержала определенную программу стратегических методологических исследований, которая предполагала концентрацию внимания на следующих кардинальных вопросах исторической эпистемологии:

- проблема тождества наших знаний о прошлом и реальности этого прошлого;
- пути понимания внутренней целостности изучаемых обществ;
- соотношение микро- и макроанализа в истории;
- методы познания путей социализации индивида;
- критерии доказательности в истории;
- специфика исторического факта;
- познавательная концепция исторического источника;
- смысл междисциплинарного синтеза;
- актуальные направления новых полидисциплинарных исследований.

Определив основной круг актуальных методологических проблем, редакция «Анналов» предложила их коллективное обсуждение.

Некоторые итоги широкомасштабной дискуссии были подведены в специальном выпуске «Анналов» (1989. № 6), в котором по

---

¹ См.: Histoire et science sociales: un tournant critique? // Annales: E.S.C. 1988. № 2. P.291–293.

существом был сформулирован методологический манифест будущих — *четвертых* — «*Анналов*».

Смена парадигм трактовалась «анналистами» как «критический поворот». По словам одного из авторов программного номера Р.Шартье (R.Chartier. *Le Monde comme representation // Annales. E.S.C.* 1989. № 6), она заключалась «в трех отказах».

1. Отказ от проекта глобальной истории, призванной охватить все этажи социальной целостности в соподчинении структур и в совокупности детерминаций, ради иного прочтения иначе понятого социального на основе анализа не «структуры», а «сети» отношений, выстраиваемой событием или биографией. Социальное предстает как социальная практика, в которой сталкиваются представления живых и конкретных людей.

2. Отказ от территориального, в духе «человеческой географии», определения объекта исследования, от ориентации на картографирование локального своеобразия в большей мере, чем на поиск общих закономерностей. Возвращение к традициям дюргеймовской социологии.

3. Отказ от понимания социальных дифференциаций как «логически первичных». Стремление учесть не сводимые к социальным культурные дифференциации, так как стало очевидно, что культурную продукцию и культурные практики (т.е. практику создания и потребления культурной продукции) нельзя квалифицировать в непосредственных терминах социологии и что их распределение в обществе отнюдь не всегда организовано на основе предварительного социального деления. Признание активной, конструирующей роли культурных продуктов и культурных практик в создании самого социального расслоения.

В том же выпуске «Анналов» была опубликована статья Жан-Ива Гренье и Бернара Лепти под названием «Исторический эксперимент: К изучению опыта Э. Лабрусса», в которой высказывались предложения по изменению методологических ориентаций новых «Анналов». Они базировались на следующих двух принципах. Принцип первый: поскольку история принадлежит к

социальным наукам, она содержит в себе методiku, основанную на манипулировании и экспериментировании: достоверность ее высказываний поверяется практикой. Принцип второй: междисциплинарность есть явление культурного перевода (*transfert culturel*); обоюдные заимствования осуществляются на базе языков уже сложившихся дисциплин, забвение своеобразия которых опасно.

В соответствии с указанными принципами новая исследовательская программа «Анналов» должна была прежде всего сконцентрироваться на проблемах самоидентификации истории как научной дисциплины и изучении социальных связей совместно с другими социальными науками.

Такой методологический поворот получил свое символическое выражение в изменении подзаголовка журнала. Январский номер «Анналов» за 1994 г. вышел с подзаголовком «История, социальные науки» (вместо подзаголовка «Экономика, общества, цивилизации», существовавшего с 1946 г.).

Итак, к 1994 г. состоялся парадигмальный переход к новым — **четвертым «Анналам»**, начавшийся еще в конце 80-х гг. По словам руководителя редколлегии журнала Ж.-И. Гренье, основные концептуально-методологические установки новых «Анналов» можно свести к следующим двум моментам. Первый касается определения исследуемых объектов. Понятия «открытие», «культура», «цены» становятся ныне объектами многочисленных сомнений. Будучи историческими фактами, сконструированными историками, они выступают в то же время как постоянно перерабатываемые участниками исторического процесса и самими историками понятия. Необходимо переосмысление категориального аппарата истории и дискурса исторического познания.

Второй момент касается рассмотрения времени, которое ныне становится полноправным объектом размышления. Ж.-И. Гренье подчеркивает ограниченность старых временных моделей, «уроки которых на сегодня исчерпаны». Он констатирует отказ от глобальных объяснительных моделей (марксистского или иного типа)

в пользу более тонкого анализа, выявляющего сложные, часто непредсказуемые временные движения, определяющиеся самой историчностью происходящих процессов.

Гренье выступает за исключение детерминистского подхода при рассмотрении каких бы то ни было социальных процессов. Плодотворным он считает применение методов микроистории и новой исторической социологии к изучению политической, экономической или иной эволюции¹.

Новое поколение редакторов «Анналов», как и его предшественники, продолжает придерживаться принципа «открытости» по отношению к новейшим методологическим веяниям в социальных науках. Отмечая сильное воздействие так называемого «лингвистического поворота» на многие общественные дисциплины, редколлегия «Анналов» в то же время считает, что на самом деле главный поворотный пункт современной методологии состоит в другом. Это — *«исторический поворот»*, заключающийся в применении исторического подхода большинством социальных наук. В этой связи Б. Лепти приводит три примера. Первый касается антропологии. Сегодня история навязывает свои поправки структурированным отображениям мира. В антропологии то, что называют структурой, рассматривается как объект, имеющий историческую природу. Второй пример — социология. Здесь одна из последних моделей, согласно П. Бурдьё, предполагает рассмотрение человеческих действий как серии последовательностей, в которой личность мобилизует приобретенные знания и функции для легитимации своего поведения в данной ситуации. В этой модели краткое время актуализации противопоставляется долгому времени идентификации через характерное поведение социальной группы (*l'habitus*) или через неравный доступ к собственности (марксизм). Эта модель позволяет описать, каким образом при развитии ситуации создается общественный строй, обеспечивающий продолжение отношений между

---

¹ См.: Лепти Б. Ж.-И. Гренье о журнале «Анналы» // Одиссей. 1994. С.317–318.

людьми. Третий пример — экономика как наука. В экономике также были выработаны новые предложения в противовес господствующей теории, предполагавшей существование вневременного равновесия в лоне идеального конкурентного рынка. Эти предложения противопоставляют чисто логической темпоральности господствующих моделей историческое время (время технических новшеств, динамики организации, формирования норм), сотворенное социально и отмеченное необратимостью.

Приведенные примеры свидетельствуют о тенденции к включению диахронии в качестве объяснительного принципа при построении аналитических моделей социальности. Во главу угла ставятся прошлые состояния системы и современные условия их актуализации в действии. «...Эти модели заставляют...по-новому взглянуть на общество и анализировать его как категорию социальной практики (это означает, к примеру, что у самоотождествлений или социальных отношений нет своей природы, а есть только практика применения). Эта прагматическая ориентация, естественно, приводит к пересмотру на новой основе хронологических моделей, выработанных нашей дисциплиной, и временных режимов, приписываемых обществам вчерашнего и сегодняшнего дня»¹.

В связи с новыми методологическими ориентирами в числе приоритетных направлений исследовательской практики анналистов оказались следующие:

– *микроистория*, отправным пунктом анализа которой выступает не социальный контекст, а своеобразие отдельных исторических персонажей (социальной группы или индивида), конкретика их социальных взаимосвязей, мотивов поведения²; некоторые историки-анналисты называют переход на позиции микроистории по-

---

¹ См.: *Лепти Б. Ж.-И.* Греньё о журнале «Анналы». С.318–319.

² См.: *Revel J.* Micro-analyse et construction du social // *Jeux d` Echelles: La micro-analyse a l` experience.* P., 1996; *Lepetit B.* De l` echelle en histoire // *Jeux d` Echelles.* P.71–94 и др.

воротом к изучению «прагматических ситуаций», в которых в каждый данный момент находились те или иные индивиды, или, сокращенно, «прагматическим поворотом»;

– «*другая социальная история*», предмет рассмотрения которой, по словам Бернара Лепти, одного из инициаторов ее разработки, — не совокупность «структур большой длительности» (экономических, идеологических, ментальных и т.д.), а социальная практика участвующих в социальных взаимодействиях лиц (*acteurs*). Общество предлагается изучать через прямое наблюдение над взаимодействием субъектов исторических процессов, которое складывается своеобразно в каждой «прагматической ситуации»¹. Предполагается, что при подобном подходе глобальные структуры удастся исследовать не абстрактно, но через их воздействие на субъектов, способных преобразовать эти импульсы в практические действия;

– «*культуральная история*», в центре внимания которой особые объекты — «семиофоры», сочетающие в себе элементы означающей их индивидуальной формы и формирующей их материальной функции. «Семиофоры» ориентируют исследователя на то, чтобы соединить в историко-культуральном анализе изучение конкретно «видимого» и «невидимого», неповторимо образного и объективного, сиюминутного и предшествующего². Неразделенность и сочлененность социального и культурального рассматривается как важнейшая особенность любого исторического объекта; каждая групповая культура анализируется с позиции ее культурных предпочтений, осознанной или неосознанной интерпретации собственного жизненного опыта; основным предметом историко-культурального исследования высту-

---

¹ См.: *Lepetit B.* Histoire des pratiques, pratique de l'histoire // Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale. P., 1995. P.9–22.

² См.: *Pomain K.* Histoire culturelle, Histoire de semiophores // Pour une histoire culturelle. P., 1997. P.73–97.

пает «исторически прописанный ментальный опыт»¹. При этом индивид рассматривается не как пассивный исполнитель групповых норм, а как активный их интерпретатор, участвующий в их изменении; в итоге детерминирующая роль группы сочетается с признанием определенной свободы индивидуального выбора, а историописание превращается в историю «мыслящего и действующего субъекта». Само формирование социальных групп, а также стратегия их поведения трактуется как функция от их самоидентификации, что выводит на передний план анализ культурных практик групп в различных конкретных ситуациях;

– «*история политики*», центральный предмет исследования которой — не политические кризисы, реформы, столкновения, а история политической культуры и тех культурных феноменов, которые определяют готовность людей подчиниться власти, терпеть политическое насилие или даже превозносить деспота. Особое внимание уделяется способам, формулам самопредъявления власти, ритуалам и политическим символам, представлениям о власти, свойственным разным микрогруппам, интерпретациям этих представлений в конкретной практике отдельных индивидов — другими словами, социокультурным способам властвования, типичным для того или иного периода прошлого.

Укоренившиеся в исторических традициях формулы «прочтения» власти (топосы) рассматриваются как средства культурного принуждения, высвобождение из-под которого возможно лишь для отдельных индивидов, способных реинтерпретировать эти формулы по-своему. Исследуя лингвистические топосы предъявления власти, их бытование и способы их интерпретаций, роль риторики господствующего класса для обеспечения необходимого имиджа и формулы его реинтерпретации, история политики создает новые эпистемологические возможности для понимания политической эволюции.

---

¹ См.: *Бессмертный Ю.Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994–1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С.35.

Во всех названных новых направлениях исторического исследования можно увидеть общие методологические моменты, которые сближают их между собой, формируя в перспективе новую методологическую целостность (таким образом, уже на новой основе сохраняется одна из центральных парадигмальных установок — установка на целостный анализ, присущая всем предшествующим периодам истории «Анналов»).

Эта целостность проявляется в ориентации на изучение групповых и индивидуальных социальных практик как связующих звеньев между надличностными общественными структурами и социальными субъектами. В связи с этим в центре внимания вполне закономерно оказываются уникальные ситуации («казусы»), в которых конкретный субъект осознанно или неосознанно избирает линию собственного поведения. Отсюда — внимание к повседневности и микроистории, ибо «казус» предполагает анализ не *longue duree* («времени большой длительности»), а «короткого времени» и опыта «маленького человека». Эпицентром такого анализа становится событие, понятое как результат взаимодействия конкретных его участников (актеров). Акцент событийности в свою очередь расширяет возможности использования нарративного жанра, исторического рассказа. Увлечение нарративом, следовательно, вполне закономерно для современной исторической науки. Рассказ как форма исследовательского дискурса выступает наиболее адекватным средством описания и осмысления конкретных жизненных ситуаций.

Используя нарративный ракурс, историк вовсе не возвращается к традиционным формам историописания. По мнению Жака Ревеля, речь идет об использовании не востребуемых в прошлом эпистемологических ресурсов рассказа¹. В отличие от XIX в. событие для современного историка выступает не как самодостаточный объект анализа, но как «увеличительное стекло для расшифровки

---

¹ См.: *Revel J. Ressoucer narratives et connaissance histoire // Enquete: Anthropologie, histoire, sociologie. 1995. № 1. P.66–70.*

глубинных структур». Аналогичный подход характерен и для более широко распространяющегося биографического жанра.

Наметившийся новый методологический синтез обнаруживает себя в продуцировании новых «идеальных моделей», структурирующих одновременно и объект, и дискурсивный ряд исторического исследования. Такими моделями в последнее время выступают лингвистические топосы, социокультурные репрезентации и саморепрезентации, семиофоры, казусы и «кейсы» или конкретные практические случаи-опыты.

Появление данных дискурсов свидетельствует о включении современной исторической науки в тот самый «лингвистический поворот», которому редакторы «Анналов» противопоставляют «исторический поворот» и «прагматический поворот». Скорее всего (и это демонстрирует современная методологическая эволюция «Анналов»), все три поворота — тренды единого глобального методологического сдвига, связанного со вступлением мировой науки и социальной практики в целом в эпоху постмодерна. Данная эпоха, в силу своих специфических черт (глобальный плюрализм, гуманистический центризм, диалог миров, толерантность и т.д.), формирует новый тип научного методологического синтеза, носящего интернациональный характер. Эти новые веяния находят свое отражение в различных научных школах, среди которых заметное место занимает «новая интеллектуальная история».

2. «Новая интеллектуальная история».

Возрождение нарратива

В русле «лингвистического поворота» и «семиотического вызова» в мировой историографии в 70-е гг. стало складываться своеобразное направление, получившее название «новая интеллектуальная история». Непосредственным предметом данной дисциплины являются тексты, отражающие элитную, интеллектуальную мысль определенной эпохи, включая мысль историографическую. «Новая интеллектуальная история» особое внимание отводит дис-

курсивной практике историка, способам построения и выражения его мысли, которые интерпретируются как нарратив.

Осмысление нарратива как специфической формы историографического творчества, сближающей историю с литературой, с одной стороны, и разграничивающей ее со сциентистски-объективистским способом рассмотрения реальности, с другой стороны, привело к постановке новых методологических проблем, оказавшихся в центре современных дискуссий о нарративе. В целом эти дискуссии включают три основных сюжета: 1) соотношение исторического нарратива с литературой и наукой; 2) соотношение нарратива и теории в рамках исторического текста; 3) соотношение нарратива и реальности.

В трактовке указанных сюжетов можно выделить различные подходы. Здесь особо следует отметить позицию американского исследователя и методолога истории Хейдена Уайта, основателя и признанного лидера «новой интеллектуальной истории».

Хейден Уайт — автор фундаментальных трудов по методологии истории, среди которых наиболее известными являются: «Метаистория: историческое воображение в Европе в XIX веке» (1973), «Тропика дискурса: заметки в духе культурного критицизма» (1978), «Содержание формы: нарративный дискурс и историческая репрезентация» (1987).

К «Метаистории» примыкает сборник статей «Тропика дискурса» и монография «Содержание формы». Свои взгляды на предмет и метод интеллектуальной истории Х. Уайт изложил также в статье, опубликованной в коллективном сборнике «Современная европейская интеллектуальная история: Переоценки и новые перспективы» (1982).

Отмеченные публикации Х. Уайта представляют важный источник для анализа основных идей «новой интеллектуальной истории». В связи с этим постараемся, опираясь на работы Х. Уайта, воспроизвести ключевые положения данного методологического направления.

Стержнем концептуальных построений Уайта является представление о сугубой ненаучности истории. «История — не наука

или в лучшем случае протонаука», — пишет Уайт в «Метаистории» и неоднократно повторяет данную мысль в других своих работах.

Наука, по Уайту, характеризуется единой парадигмой — совокупностью верифицируемых эмпирических теорий. Возможность верификации определяется единым в рамках сообщества ученых представлением о предмете данной науки, а также соглашением относительно того, «что считать научной проблемой, какую форму должно иметь научное объяснение, какие данные могут считаться доказательством в рамках научного отчета о реальности»¹.

История же, согласно Уайту, подобной парадигмы никогда не имела, не имеет и иметь не будет. Для истории характерно хроническое несогласие относительно того, что именно считать специфически историческим объяснением определенной совокупности исторических явлений. «Вследствие этого исторические объяснения с необходимостью вынуждены основываться на различных метатеоретических предпосылках относительно природы истории». «Историографические диспуты на уровне «интерпретации» суть диспуты относительно «истинной» природы деятельности историка». История в итоге оказывается «в состоянии концептуальной анархии»².

По своим фундаментальным характеристикам история близка не науке, а художественному творчеству. В предисловии к «Метаистории» Уайт отмечает: «Раскрывая лингвистическую основу, на которой создается та или иная идея истории, я попытался представить неустранимо поэтическую природу деятельности историка»³.

Согласно Уайту, историю сближают с литературой следующие моменты: предпочтение нарративного способа изложения материала аргументационному и относительно свободное, основанное

---

¹ White H. *Metahistory: the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; L., 1973. P.21.

² Ibid. P.13.

³ White H. *Metahistory: the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. P.11.

на авторском воображении конструирование исторических фактов. При этом Уайт считает, что воображение является важнейшим компонентом исторического познания, позволяющим установить связь между объектом и субъектом исследования.

Обращение историка к нарративному письму, считает Уайт, продиктовано, прежде всего, определенными особенностями самого объекта исторического познания — его масштабностью, социокультурной ценностью, запечатленностью в общественной памяти, ролью и местом в историческом процессе. Историк, который стремится как можно полнее и адекватнее передать читателю смысл и содержание крупномасштабных, эпических событий, а также свое видение их, отдает предпочтение нарративу.

Нарративный дискурс, пишет Уайт, чаще всего применяется при описании событий, которые принято называть «травмами» и природа которых — предмет особого внимания массового сознания: это такие события, как Холокост, Первая и Вторая мировые войны, рабство, геноцид, массовый голод, техногенные болезни, загрязнение экосферы. Подобные явления и их контексты требуют не только объяснения, но и высокой силы исторического изображения¹.

В «Метафизике» Уайт излагает собственную концепцию исторического нарратива как способа конструирования исторической реальности. Одно из важнейших ее положений — мысль о принципиальной равноценности «стратегий интерпретации», которые выбирает историк, руководствуясь морально-эстетическими предпочтениями, рационально не осознанными.

Уайт выделяет несколько уровней конструирования исторического материала:

1. Хроника — расположение фактов в хронологическом порядке.
2. История — выделение доминирующих мотивов.
3. Сюжетопостроение.

---

¹ См.: *White H. Response to Arthur Marwick // Journal of Contemporary History. V. 30. 1995. P.241.*

4. Формальная аргументация.

5. Идеологическая импликация.

Три последних уровня Уайт относит к исторической теории. Именно на этих уровнях формируется специфический для данного историка стиль мышления. (Собственно, вся «Метафизика» посвящена анализу текстов, созданных крупными историками XIX в. — Ранке, Нибуром, Моммзенем, Боклем, Токвилем, Марксом, Тэнном и др. — и рассматриваемых в разрезе этих трех уровней.)

Вариантов сюжетопостроения, используемых историками, по Уайту, четыре: 1) романтическое повествование; 2) трагедия; 3) комедия; 4) сатира. Различаются они разным пониманием места человека в мире. Романтическое повествование — драма триумфа добра над злом, добродетели над пороком, света над тьмой. Архетип трагедии — гибель героя при сохранении идеи, им воплощаемой. Комедия — повествование об эпизодических победах индивида с сохранением сознания невозможности победы окончательной. Архетипическая тема сатиры — видение человека «скорее узником мира, нежели его хозяином»¹.

Четырем типам сюжетопостроения соответствуют четыре типа стратегий дискурсивной аргументации, при помощи которой историк интерпретирует события, сведенные им предварительно воедино при помощи того или иного варианта сюжетопостроения. Стратегии носят следующие названия: формизм, органицизм, механицизм, контекстуализм.

Стратегия, обозначенная термином «формизм», является попыткой зафиксировать многообразие и уникальность исторических явлений посредством их классификации. Согласно Уайту, такой парадигмы придерживались Гердер, Карлейль, Нибур, Тревельян. Органицизм — стратегия, ориентированная на выявление основного принципа функционирования целостного объекта, посредством

---

¹ White H. Metahistory ... P.8–9.

которого выстраивается историческая аргументация. К органицистам Уайт относит Ранке, Моммзена, Зибеля, Трейчке.

Механицистская стратегия нацелена на поиск «каузальных законов», детерминирующих ход исторических процессов. Данная стратегия, по Уайту, была характерна для Бокля, Маркса, Тэна.

Наконец, стратегия контекстуализма направлена на реконструкцию контекста исторического явления.

Приверженцы разных стратегий интерпретации, считает Уайт, не в состоянии достигнуть взаимопонимания ввиду «наличия неустранимого идеологического компонента» в любом историческом описании. Любая дискуссия между сторонниками разных стратегий неизбежно приводит к идеологической конфронтации.

Идеологическая ориентация, по Уайту, — важная составляющая стиля исторического творчества. Однако не существует однозначной связи между идеологической позицией автора и выбором той или иной стратегии интерпретации. Стратегический выбор, по мнению Уайта, носит иррациональный характер, это акт «поэтический». В то же время Уайт фиксирует в специально составленной им таблице определенные связи между различными идеологическими ориентациями, стратегиями интерпретации и типами сюжетопостроения, выделяя следующие линии: 1) анархизм – формизм – романтическое повествование; 2) радикализм — механицизм — трагедия; 3) консерватизм — органицизм — комедия; 4) либерализм — контекстуализм — сатира.

Трехзвенная цепь каждой из обозначаемых линий целостно характеризует стиль историка. Однако не всегда звенья в цепи укладываются в изложенную выше схему, и Уайт это прекрасно понимает. Он признает, что, например, в стиле Мишле соединяются либерализм, формизм и романтическое повествование, а в стиле Буркхарда сатира и контекстуализм сочетаются с особым рода идеологической установкой — реакционностью¹.

Тайна бессознательного, «поэтического» выбора определенной стратегии интерпретации, согласно Уайту, заперта в особенностях

---

¹ См.: *White H. Metahistory...* P.29–30.

языка, которым пользуется историк. История, считает автор «Метаистории», в отличие от науки собственного теоретического языка не создала, хотя достаточно преуспела в формировании квазитеоретических языков. Отсюда следует вывод, что стратегии интерпретации историков формируются в соответствии с тропами обьденной речи. Уайт, следуя одной из используемых в филологии классификаций, выделяет следующие тропы: 1) метафора (явление характеризуется понятием по аналогии или сходству); 2) метонимия (явление характеризуется через свои признаки); 3) синекдоха (целое характеризуется через свое важнейшее свойство); 4) ирония (утверждаемое буквально отрицается на уровне подтекста).

Неосознанный выбор того или иного тропа, по Уайту, как раз и представляет стиль историка в целом — форму сюжетопостроения, тип стратегии интерпретации и идеологическую позицию. Так, например, метафора «задает» романтическое повествование, формизм и анархизм. Метонимия предопределяет трагедию, стратегию механицизма и радикализм. Синекдоха — комедию, органицизм и консерватизм.

Несколько сложнее обстоит дело с иронией. Уайт характеризует ее следующим образом: «Ирония как троп обеспечивает лингвистическую парадигму способа мышления, радикально самокритичного не только в отношении некоей данной характеристики окружающего мира, но и в отношении самой возможности адекватно отразить сущность вещей в языке... Как парадигма формы репрезентации исторического процесса она внутренне враждебна наивным формулам формистской, механицистской и органицистской стратегий объяснения. А ее художественная форма — сатира — сущностно антагонистична архетипам романтического повествования, комедии и трагедии... Как основа мировоззрения ирония ставит под сомнение малейшую веру в возможность позитивных политических акций»¹.

---

¹ См.: *White H. Metahistory ...* P.38.

По существу, иронию невозможно привязать к какой-либо стратегии интерпретации и идеологии. Ирония *транси*деологична, подчеркивает Уайт. (Кстати, сама «Метаистория», по словам ее автора, выстроена в ироническом ключе.)¹

Автор «Метаистории» выделяет циклы в эволюции европейской исторической мысли. Первый цикл (XVII–XVIII вв.), по его мнению, начинался под знаком претензии на научность. Просвещение, отдав дань этим претензиям, обнаружило вместе с тем и невозможность их реализации. В итоге Просвещение было увенчано скептицизмом, иронией. Доказательством тому, считает Уайт, служат сочинения Канта и Юма, которые, в отличие, например, от Бейля, не видели разницы между историей и литературой².

Второй цикл (историческая мысль XIX в.) — своего рода анти-теза иронии позднего Просвещения. Его доминантой является вновь претензия на научность, реализм, объективность, объединяющая все направления «золотого века» историографии на протяжении 30–70-х гг. XIX столетия. Данная ориентация, полагает Уайт, могла привести только к одному итогу — к появлению различных взаимоисключающих версий одних и тех же событий, в равной мере притязавших на научность и объективность. Критерии же научности и объективности существенно отличались в рамках различных стратегий интерпретации³.

Весь ход развития европейской исторической мысли XIX в., по Уайту, неизбежно завершился кризисом, провозвестниками которого были Ницше и Маркс, по-разному, но одинаково остро поставившие проблему социокультурной обусловленности изысканий историка. «Вклад Маркса и Ницше в «кризис историзма»... состоит в том, — пишет Уайт, — что они историзировали саму концепцию объективности. Для них историческая мысль не была результатом применения критерия «объективности», который можно попросту «приложить» к

---

¹ Ibid. P.12.

² Ibid. P.48.

³ Ibid. P.274.

фактам истории. Природа самой объективности — вот что они ставили под вопрос»¹.

Уайт приходит к выводу о том, что европейское историческое сознание XIX в. описало круг от восстания против иронического видения истории, присущего позднему Просвещению, к усвоению вновь сходного иронического видения. В своих работах историки XIX в., считает Уайт, преуспели лишь в одном — «в создании значительного числа конфликтующих «реализмов», каждый из которых основывался на теоретическом аппарате и эрудиции, не позволяющих кому бы то ни было отрицать его право хотя бы на частичное признание»².

При этом, отмечает Уайт, каждый из рассматриваемых историков и философов истории обнаружил талант исторического повествования, последовательность видения, систематичность мысли. Но эти повествования и системы носили замкнутый характер, существовали параллельно друг другу и поэтому не могут быть сопоставлены. Следовательно, нельзя говорить ни о каком прогрессе исторической мысли на протяжении XIX столетия³.

Современный этап эволюции европейской историографии, начавшийся на рубеже XIX–XX вв., отмечает Уайт, характеризуется отчетливо выраженным стремлением европейских историков преодолеть иронию. Это проявляется прежде всего в повышении интереса к спекулятивной философии истории, т.е. к метаистории, ее философско-методологическим и иным предпосылкам. Если исследователи докопаются до глубинных корней иронического склада мышления, то иронический взгляд потеряет свой статус необходимой перспективы для трактовки исторического процесса. «Историки и философы, — пишет Уайт, — получают таким образом возможность концептуализировать историю, схватывать ее содержание и конструировать нарративные отчеты о ее процессах в той мо-

---

¹ См.: *White H. Metahistory...* P.286.

² *Ibid.* P.432.

³ *Ibid.* P.433.

дальности сознания, которая наиболее совпадает с их собственными моральными и эстетическими воззрениями»¹.

* * *

Новая интеллектуальная история поставила под сомнение прежних «священных коров» историографии: 1) считающееся само собой разумеющимся существование объективной реальности; 2) представление о принципиальном отличии творчества историка и его работ от литературного творчества и художественных произведений; 3) веру в возможность установления объективной истины.

Многие «традиционные» историки были возмущены столь активным покушением на свои методологические устои и встретили наступление постмодернистов в штыки. Считалось, что позиция новых интеллектуалов подрывает научный престиж истории как области знания.

Со временем в дискуссиях о постмодернизме и парадигмах новой интеллектуальной истории все отчетливее стала звучать «средняя» позиция, сторонники которой призывали оппонентов к преодолению крайностей и взаимопониманию.

Наиболее полно «третья позиция», отличная и от научно-объективистской, и от сугубо лингвистической, была выражена на XVIII Международном конгрессе исторических наук (Монреаль, август–сентябрь 1995 г.). Средняя позиция получила отражение в докладах Р. Шартье «История между нарративом и знанием», Дж. Иггерса «Между фиктивностью и объективностью», Г. Спигела «Навстречу теории миддлграунда» и др. В докладах подчеркивалось, что конструирование реальности историком не может быть произвольным, что признание невозможности «прямого восприятия реальности» вовсе не означает, что никакой исторической реальности вообще не существует. Авторы обращали внимание на обнадеживающие перспективы раз-

---

¹ White H. *Metahistory...* P.434.

вернутого анализа взаимодействия истории и литературы по всей пространственно-временной шкале¹.

Наряду с поиском методологического компромисса между научно-объективистской и лингвистической позициями в 80–90-е гг. шел процесс самоидентификации новой интеллектуальной истории, формировались ее предмет и методологический инструментарий.

Название «интеллектуальная история» первоначально определялось наименованием проблемного поля, выбранного историками для изучения. В дальнейшем под интеллектуальной историей стали понимать подход к прошлому как к истории его понимания и постижения. Отсюда преимущественное внимание новых интеллектуальных историков к языку, структуре, содержанию текстов, создаваемых исследователями в процессе прочтения исторических свидетельств, т.е. к историческому нарративу. В итоге предметом новой интеллектуальной истории стали онтология текста, содержание формы, а основным методом данной дисциплины — так называемая *метакритика*. В отличие от традиционной критики, выражающей прежде всего жизненный опыт и целостные ориентации самого критика, метакритика стремится преодолеть субъективизм критики посредством процедуры *деконструкции*, трактуемой новыми интеллектуалами как чтение-переживание культурного текста. Главными задачами метакритики являются: изучение того, как авторское намерение соотносится с авторским текстом (историческим нарративом), исследование самого акта интеллектуального творения, например, того, как творятся понятия типа «средневековье», «Ренессанс», «Просвещение», «кризис XVII в.», «промышленная революция» и пр.; изучение того, каким образом в процессе историописания участвует читатель, выполняющий одновременно функции писателя и интерпретатора; анализ репрезентаций авторских текстов и их взаимосвязи с восприятием читателей.

---

¹ См.: 18th International Congress of Historical Sciences: 27 August – 3 September, 1995: Procudings. Montreal, 1995. P.159–181.

Новые интеллектуальные историки к 90-м гг. составляли уже вполне авторитетное научное сообщество, возглавляемое Хейденом Уайтом. Среди известных новых интеллектуалов следует назвать Фрэнка Анкерсмита, Доминика Лакапра, Луи Микка, Стивена Каплана, Роберта Дарнтона, Поля Вейна, Дэвида Фишера, Ганса Келлнера, Лайонела Госмэна, Марка Постера, Феликса Гилберта. Представители нового течения в короткий срок сумели заявить о себе как об оригинальном и перспективном направлении современного исторического знания. Они принимают активное участие в теоретико-методологических дискуссиях на страницах авторитетных журналов — «History and Theory», «American Historical Review», «Past and Present», «The Monist», «Speculum», «Storia della» и др., выступают организаторами международных конференций и симпозиумов по проблемам методологии истории и эпистемологии, издают монографии и сборники статей, посвященные проблемам новой интеллектуальной истории¹.

Главным своим достижением новые интеллектуальные историки считают создание *нарративной философии истории*, по-новому поставившей вопрос о природе исторического знания и впервые обратившей пристальное внимание на акт творения историком своего произведения.

В круге любимых тем новых интеллектуальных историков — творчество известных мыслителей европейского средневековья и Нового времени. Предпочтение отдается «высокой» исторической, философской литературе эпохи Ренессанса, Просвещения, Французской революции конца XVIII в. и в особенности европейскому романтизму,

---

¹ См.: Darnton R. Intellectual and Cultural History // The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States. Ithaca; N. Y., 1980; Modern European Intellectual History: Reappraisals and New Perspectives // Ed: D. La Capra, S. Kaplan. Ithaca; L., 1982; La Capra D. Rethinking Intellectual History: Text, Context, Languages. Ithaca; N. Y., 1985; Ankersmit F. The Reality Effect in the Writing of History: The Dynamics Historiographical Tology. Amsterdam; N. Y., 1989; Gossman L. Between History and Literature. Cambridge, 1990; и др.

с которым новые интеллектуалы устанавливают свое родство. В числе наиболее изучаемых авторов оказались Ж. Мишле, О. Тьерри, Л. Блан, Ф. Гизо, А. Ламартин, Э. Кине, А. Токвиль.

В ходе анализа («деконструкции») авторских текстов для новых интеллектуалов особенно привлекательным представляется выявление структуры исторического нарратива, типов и особенностей исторического дискурса, референтов, коннотаций, голосов в тексте, жанровых свойств исторического нарратива. При этом исторический нарратив рассматривается в сравнении с литературными текстами (чаще всего идет сопоставление с текстами Г. Флобера) и аналитическими (как правило, с текстами К. Маркса). Значительное внимание уделяется также изучению культурного контекста исторических и философских произведений.

В технологическом плане новая интеллектуальная история использует метод внимательного, бесконечного чтения, основанного на желании понять, как выбирались для текста речевые конструкции, каким образом определенная текстуальная стратегия оказывала воздействие на фабулу, определяя сюжет и стилистику нарратива.

В итоге новая интеллектуальная история выступает своеобразным посланием к профессиональным историкам, которое призывает их отказаться от наивного подхода к содержанию исторического текста как отражению объективной реальности, существующей независимо от историка, и от взгляда на язык как на простую форму, в которую историк облекает свои мысли. Форма дискурса, в которую отливается изложение исторического материала, как утверждают новые интеллектуалы, теснейшим образом связана с принципами его осмысления. Эта форма отнюдь не «невинна», она подчас помимо воли и сознания исследователя определяет само содержание создаваемого им текста. Историк как в прошлом, так и в настоящем вольно или невольно строит свой текст, подчиняясь требованиям риторики, господствующим в его время. Язык историка, насыщенный стилистическими оборотами (метафора, метонимия, синекдоха и т.д.), отнюдь не нейтрален идеологически, он обусловлен привычками мысли и языка определенной культуры. Из

непрерывного потока событий автор исторического сочинения вычленяет фабулу (экспозиция, завязка, развитие событий, кульминация, развязка). В результате данного сюжетопостроения происходит литературная реконструкция исторического прошлого, создается его интерпретация. Такова общая логическая схема методологического подхода к историческому произведению, предлагаемая новой интеллектуальной историей, работающей в рамках парадигмы постмодерна.